

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по
литературе
2021-2022 учебный год
9 класс
Максимальный балл – 97**

*Дорогой любитель литературы!
Желаем тебе успеха!*

**1. Аналитическое задание
Максимальный балл – 70**

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по выбору)

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

1.1. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа Дм. Райца (род. в 1990 г.) «Белый стих о белой зиме». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): взаимосвязь темы творчества и темы детства в рассказе, аспекты раскрытия темы творчества и их соотношение с классическими вариантами обозначенной темы, тема жизни и смерти в рассказе, раскрытие образа героя через его противопоставление образу Кости.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Дмитрий Райц

Белый стих о белой зиме

Не знаю, выходят ли сейчас дети на улицу просто гулять. Наверное, выходят. Как же иначе? В детстве, когда все телефоны еще были прикованы проводами к стенам, мне всегда говорили время, к которому надо было вернуться домой. И все равно прогулки затягивались до темноты.

А что там за деревом? Так это же луна. Как долька лимона в чашке черного кофе... Папа пьет кофе с лимоном... Предчувствие неприятностей вставало комом в горле. Я торопился домой. Выплывающие под свет фонарей тусклые лица прохожих, шорохи во мраке, тени, превращаемые воображением в чудовищ, и просто страшные воспоминания заставляли бежать и не оглядываться, а ожидавший лифта незнакомец в лисьей шапке – подниматься по лестнице.

На этаже не горела лампочка. Из темных углов выростали убийцы с кривыми ножами. Я звонил в дверь. Открывала бабушка и ничего мне не говорила. Все ясно: «Ищут. Попадет». Папа, вздыхая, одевался и уходил искать маму, которая в это время бегала по ближайшим дворам, испуганно выкрикивая в каждом мое имя. В молчании дожидались их возвращения. Ледяное молчание само по себе служило наказанием. Ну и, разумеется, сокращение прогулок на полчаса или час.

Уже после примирения, замечая в темной прихожей незадвинутый засов, я медленно подходил к двери. Сердце замирало от ужаса. С каждым шагом я острее чувствовал, что вот сейчас она распахнется, и кровожадный убийца в лисьей шапке с порога вонзит в меня свой клинок. Вспоминался большущий нож для забоя свиней, какой я видел в деревне у дяди.

Оставался последний шаг... Рвануть, опередить убийцу, запереть засов – только это могло вернуть покой и безопасность...

Мы с Костей пошли прыгать по гаражам. За его домом стояли в два ряда однотипные стальные коробки. Расстояние метра в полтора мы перескакивали легко. Могли даже с места. В десять лет и пять метров не отвадили бы меня от прыжка – краткое отсутствие земли под ногами и жажда полета перехватывали дыхание. Я бы прыгнул и – кто знает? – может быть, перепрыгнул.

Словами, утратившими с тех пор смысл, Костя рассказывал:

– Подключили модем наконец-то. Но телефон спаренный. Соседка часами висит на линии, портит коннект.

А я пытался напеть ему мелодию:

– Та-та-та-тата-та-та, – правда, выходило не лучше, чем написано. – Знаешь такую?

Моцарт!

Костя взобрался на гараж первым и помог мне.

Орошенный грейпфрутовым соком заката снег. Голубые сугробы – беспорядочно выросшие зубы на нижней челюсти мира. Вытянутые темно-синие тени, слишком четкие кленовые ветки. Сиреневый столп дыма из далекой котельной на пустом небе. Тот же вечерний грейпфрутовый цвет на крыше гаража и на мне.

Все это бросилось мне в глаза, по натянутым струнами нервам помчалось к мозгу и сделало из меня поэта. Сначала только звук, как повторяющаяся мелодия, снова и снова. Под звук – первая фраза, потом еще и еще одна... Смутная мысль, что мир так прекрасен, огромен и сложен, а я умру. Ощущение всесилия, яркие цветные пятна цепляются к отдельным словам, яростное нетерпение, движение, предвкушение, страх, счастье.

Я сообразил, что складываются стихи, и заволновался, что вскочившие мне в голову строчки так же запросто оттуда выскочат... Прыгали по крышам мы недолго – к счастью, появился хозяин одного из гаражей.

Вернулся домой я на час раньше срока, и такое раннее появление вызвало любопытство, перерастающее в беспокойство. Брат переводил бабушке с английского инструкцию к глюкометру.

– Уроки не доделал, барчук? – спросил дедушка.

– Нет, это другое, – нетерпеливо ответил я, достал тетрадь, ручку и замер.

Слова, клубившиеся у меня в голове всю прогулку, стихли. Я остался перед тетрадным листком в линейку совершенно одиноким и беспомощным. Как нужно начинать? Все остальное как будто было совсем готово, за исключением гадкой первой строчки. Я робко попробовал: «Новосибирск – это очень красивый город, особенно в зимнее время». Это же не то! Вроде бы все верно, но почему-то совсем не то. Переписал: «Новосибирск в зимнее время очень красив». Не выходит... Бабушка на кухне печет коржи к торту. Сейчас она будет обрезать краешки. Уверен, брат пошел туда. И я бы мог не мучиться сейчас, не ломать голову, а заглядывать в духовку и ждать. Ну зачем мне все это нужно? «Стихотворение...» – мысленно передразнил я себя с досады. Я оказался таким неталантливым, беспомощным... Стало грустно и жалко себя.

Пока я бился ручкой, как шпагой, над строкой, вычеркивал и переписывал, с работы вернулся папа. Он удивился, что меня нет в прихожей с вечным вопросом: «Что принес, что принес?» Папа прошел ко мне, пыша сладким запахом мороза и не снимая шапки.

– Ты еще уроки не сделал? – спросил он.

– Другое, – отмахнулся я.

– Рисуешь?

– Я не маленький, чтоб рисовать.

– Раскрашиваешь? – усмехнулся папа. Он был из тех застенчивых людей, нежность которых выражается в скромном остроумии...

Наконец написал первую строчку, которой остался доволен. Встал, прошелся до кухни и обратно. Допекался последний корж, бабушка мешала крем из сметаны. Сел писать дальше. Вторая строчка сочинилась проще.

Через два часа стихотворение было закончено. С важной скромностью я пошел к бабушке на кухню. Пускай она работала когда-то учителем не литературы, а физики, но еще могла преподать хороший урок.

– Сочинил стих, – произнес я.

Бабушка облизнула сметану с пальца и выключила звук у выступления молодого и немного робкого председателя правительства. Потом надела очки, серьезно посмотрела на лист и сказала:

– Но это не стихи. Нет рифмы. А еще здесь и здесь поставь запятые.

Я хмуро смотрел на нее и тянул руку обратно за своим, оказывается, не стихотворением.

– Впрочем, можно и без рифмы. Пусть будет белый стих. Для десяти лет, думаю, неплохо.

Бабушка включила звук, и председатель правительства заговорил о тревоге, корне зла и терроре.

Я аккуратно пролиновал карандашом альбомный лист и, опасаясь помарок, переписал стихотворение наиболее изящным почерком...

Уголок маминых губ дернулся, задрожал и пополз вверх.

– Здорово! – горячо и, похоже, искренне воскликнула она. – Какой ты молодец! Пушкин ты наш! Третий класс, и уже стихи!

– Бабушка сказала, это белый стих, – пожаловался я.

– Да вот и запиши название: «Белый стих о белой зиме», – предложила мама. Я записал.

– Папа, а как тебе?

Папа лежал на диване. Его глаза еще были открыты, но он уже тихо похрапывал.

– Да. Вот, – неторопливой интонацией и сонной мимикой папа выразил умеренный восторг.

– Трудно, что ли, похвалить сына?

– Ну, зачем смущать?

– Да почему гордость родителей должна смущать? – К брату ее отношение было чуть строже, то ли в силу его старшинства, то ли потому, что я внешне был больше похож на нее.

– Ну, молодец.

Я вернулся за стол. Несмотря на похвалу, стихотворение перестало мне нравиться. То ли там оказалось много лишнего, то ли чего-то не хватало. То ли и вовсе каждое слово было плохо. Перечитал и заменил «розовый» на «розовато-багровый». Так будет точнее. Для пущего лоска я прочертил фломастером голубой квадрат вокруг текста.

Думал показать стихи брату.

– Да, знаешь, решился, скажу ей... На днях, с глазу на глаз... Ну, нет, так нет... Фиолетовый, а что?

Он говорил по телефону, наматывая провод на палец. Я стал ждать рядом с ним, разглядывая обложки его учебников. Брат закрыл рукой трубку:

– Слушай, гуляй!

– Я сегодня уже погулял, – ответил я и, обидевшись, вышел из комнаты.

Следующим утром, натягивая подштанники, я упал на кровать и едва не заснул снова.

– Вставай-ка, – нежно толкнула меня мама, пахнущая духами.

Сокровище мое лежало в рюкзаке. Я взял пакет со сменкой, а папа подал мусор.

– Смотри не перепутай, – эту милую шутку он повторял всякий раз, когда я выносил сменку. То есть мусор.

Мне казалось, что я даже не шел, а шествовал, с важностью, торжественностью. В памяти всплывали вчерашние строчки, и было приятно, что их сочинил я: «И не хуже

Блока». Проходя гаражи за Костиным домом, не смог ничего с собой поделывать – залез наверх. Вид оттуда был совсем другим. Утренний снег сверкал, как огромный пласт соли. Я подумал о лосях, лижущих соль, и на душе сделалось совсем хорошо... Попрыгал немного и пошел дальше, вращая пакет, пока он не затягивался туго на пальце и не начинал разматываться обратно.

Девиз школы задержал меня в фойе: «В каждом человеке есть солнце, надо только, чтобы оно светило. Сократ». Я прочитал его и улыбнулся.

Со звонком Надежда Зиновьевна завела в класс мальчика, похожего на цыганенка, смуглого и чернявого, и привычно переселила детский гул:

– Ребята! В нашем классе становится на одного человека больше. Поприветствуйте Ваню Надбровного.

Нервно прождав урок о суффиксах и приставках, я подошел к учительскому столу:

– Надежда Зиновьевна, я тут написал...

Пока она читала, я следил через ее плечо и чувствовал особую неловкость – стихотворение стало казаться мне слишком серьезным и слишком личным, точно я описывал не зиму, а свою короткую жизнь. Заодно не хотелось разочаровывать первую учительницу, которая не раз говорила, что я могу далеко пойти. Или зайти, не помню точно.

Надежда Зиновьевна посмотрела на меня самым добрым взглядом.

– Зачем ты обвел все фломастером? – спросила она.

– Точно не знаю, но так нужно, – честно ответил я.

– Это достойно классного уголка. Повесим.

Чего лукавить, я ликовал. Она взяла кнопку и пригвоздила мой лист, как жука, к стене между горшками бегоний и диффенбахий.

Вдобавок Надежда Зиновьевна объявила в начале урока:

– Ребята, Дима сочинил белый стих. Читайте в классном уголке.

На перемене я оставался за партой демонстративно спокойным, хотя жадно следил, кто подходит к моему стихотворению и с каким выражением лица от него отходит. Львиную долю внимания оттянул на себя новичок, этот Ваня Надбровный.

Передо мной встал Антон. Я не был первым классным поэтом. Мое стихотворение о зимнем городе повесили рядом с элегией Антона про старого плюшевого медведя. Писать его вынуждало само имя – Антон Павлович Блок. Вежливо до высокомерия он протянул мне руку и произнес, будто даруя на что-то разрешение:

– Добро пожаловать в поэзию.

На следующей перемене в классном уголке я вчитывался в элегию Антона, придираясь к каждому слову. Когда я наткнулся в его стихах на что-то хорошее, талантливое, но придуманное не мной, мне было неприятно. До сих пор я помню строчки о том, как вместе с медведем он слушал пластинки и сказки... Я распалялся идеей сегодня же сочинить новый стих, лучше первого и наверняка еще белее. Например, о лосятах, которые лижут снег, думая, что лижут соль.

– Посмотрел в Интернете, – произнес за моей спиной, перепугав меня, Костя. – Такой же, про медведя, есть у Маршака.

– А как тебе мой?

– Ничего. Но я больше по фантастике. Вот «Дюна» Фрэнка Герберта – это вещь на пять с плюсом.

– Хотел тебе вчера позвонить, но брат болтал.

– Не дозвонился бы – я сидел в Интернете...

Не успели мы выйти в коридор, как Леша Долгошеин, маленький голубоглазый блондин, шлепнул Костю по плечу с криком:

– Мать! Восемь-десять! – И он захлопал себя по животу и голове, повторяя: – Восемь-десять, восемь-десять!

Мне ничего не оставалось, как последовать Лешиному примеру – это была жестокая игра. Костя хищно огляделся, как львенок, и кинулся за Антоном Блоком, который шел по коридору и пока еще ни о чем не подозревал...

– Бабушка говорит, ты стих написал? – спросил дедушка, лежа на тахте и не отрывая взгляда от книги. – Вот послушай, пижон...

– Белый стих, – я уже принимал это за достоинство.

Книгу он поставил на живот и только придерживал пальцем на развороте. Очки сдвинул на кончик носа. Я думал, что дедушка захочет прочесть мое стихотворение и одобрить его, но нет:

– Вот послушай, мастер Пепка. Настоящий стих должен рвать нерв, перевернуть сердце, ну и так далее. Поучись.

И дедушка прочитал «Жди меня» Симонова от начала и до конца, с выражением и неподдельным волнением. Как полковник в отставке, дедушка не только в любом городе мог сориентироваться по местоположению военкоматов, но и очень близко к сердцу принимал литературу о войне.

А стихов я больше не сочинял.

Кончен рассказ. Солнце заливаает комнату. По оттенку света понятно, что на улице тепло, и стоит лишь распахнуть окно, как со стружкой снега ко мне вспорхнет свежая весенняя сырость, несмотря на январь. Вдруг стало грустно.

Если отстраниться от цикличности человеческого восприятия, то годы – это просто повторение похожей погоды. Очередная зима. Выпавший за ночь, нетоптанный снег отливает не зимой и холодом, скорее напротив – чем-то тропическим, оперением сине-желтого попугая, крылья которого пропитаны зноем. Нежно-голубой, как фиалка, – где тень. А на солнце как лимон... Хотя с лимоном в самом начале я сравнивал луну... Тогда бледно-желтый, как молоко, в котором растопили кусок масла. Когда в детстве меня мучило горло, мама топила в горячем молоке кусок масла. Я выпивал – и кашель не мешал засыпать.

Вспоминаю про Черное море и думаю, что между тем теплым морем и этим обиленным замерзшей воды невелика разница. Взметаются бесноватые волны сугробов. Ветер подметает барашки. На дне белой пучины покоятся тайны, сокровища, всякий мусор, машины-корабли... Посреди двора растет темная ель, припорошенная парусиново-белым снежком – как клипер, рвущийся навстречу неизвестному берегу. Хвойные лапы – и фок-реи, и шпангоуты, и такелаж. При таком сравнении даже жалко, что на ели нет белок... Хотя под деревом мостится собака. Представим, что это дельфин.

Говорят, у каждой снежинки неповторимый рисунок. Сколько же их, таких особенных, намело в эти сугробы. Как людей за все времена – в небытие. Была ли хоть крупинка смысла в этой неповторимости? Выпавшие вчера снежинки пока еще мерцают под солнцем, луной, фонарями, но со дня на день пройдет новый снегопад, и они скроются в синей темноте забвения. На их месте замерцают другие неповторимые хлопья замерзшей воды...

Тем, кто верит в перерождение души, проще. Их жизнь – дождь. Дождь прошел, вода испарилась, и снова льет как из ведра. Но для нас с тобой жизнь – это метель. И до весны еще целая вечность.

Голубой квадрат с моим стихотворением недолго провисел в классном уголке. Через неделю его стали заслонять бумажные снежинки, картинки с Дедом Морозом, цифры «2000» и перечень отличников четверти. Корявые робкие строчки поглотила медленная Лета.

Та же участь постигнет всю мою жизнь?

Сорвали с кнопки, сунули в залежи черновиков. Может быть, спустя пару лет достанут, возьмут страшные ржавые ножницы и вырежут бумажную снежинку к очередному новому году. Впрочем, это не так уж и плохо.

Чудо, что я еще помню то стихотворение:

Зимний город очень красив в декабре.
Улицы занесли поля снега голубого, не белого.
Вечером стены домов озаряет багрово-розовый.
В небе нет облаков, но дым почти как облака.
Бурый снег на дорогах тает так быстро.
Но скоро наступит долгий мороз.

Хотя я могу невольно и приукрасить.

1.2. Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ стихотворения С. Маршака. При анализе стихотворения опирайтесь на предложенные вопросы:

1. Почему повествование ведется в основном от «мы»? Какова роль личных местоимений в стихотворении?
 2. Благодаря каким художественным средствам создается образ Дон-Кихота?
 3. Как образ дороги объединяет в произведении мир реальный и мир фантазии?
- Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С. Маршак

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнет,
И будет сбит в неравном поединке
В нее копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге...
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведет нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.

1964 г.

2. Творческое задание

Максимальное количество баллов - 27

В 2021 году сразу три великие русские комедии отмечают юбилей. У каждой из них своя памятная дата, связанная с годом создания или первой постановкой на сцене.

В.Ф. Одоевский, характеризуя русскую драматургию XIX века, писал: «Читал ли ты комедию или, лучше, трагедию Островского «Свои люди – сочтемся!», и которой настоящее название «Банкрут». – Я считаю на Руси три трагедии (в значении драматическое произведение): «_____», «_____» и «_____». На «Банкруте» я поставил номер четвертый».

Задание 1.1

Существует немало интересных историй, реальных и полуполюгендарных, связанных с созданием данных комедий и постановками их на сцене.

Уважаемый участник олимпиады, вспомни историю создания или постановки каждой из комедий и ответь на вопрос во втором столбце таблицы, а также назови каждую из комедий-юбиларов и ее автора и соотнеси с юбилейной датой. Ответы запиши в таблице (перенесите таблицу в тетрадь или в листы ответов; во втором столбце таблицы запиши только ответ на вопрос задания):

Юбилейная дата	Из истории создания и постановки на сцене	Автор	Название произведения
240 лет с момента создания комедии	Существует театральная легенда о первой постановке комедии: «Говорят, что при первом представлении сей Комедии на Придворном Театре покойный Князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, выходя из театра, подозвал к себе Сочинителя и с обыкновенным своим просторечием сказал ему шутя: «_____». Воспроизведи крылатое выражение, в которое превратилась фраза Потемкина		
190 лет: 26 января 1836 года была впервые поставлена на профессиональной сцене	Назови великого русского поэта, которому принадлежит фраза о языке комедии: «О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу» _____		

185 лет публикации первой версии комедии	Выходя из ложи после премьеры этой комедии, российский император, который во время спектакля, по воспоминаниям современников, «был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души», сказал: «Ну и пьеса! Всем досталось, а мне больше всех!». Назови имя императора _____		
---	---	--	--

Задание 1.2

Представь, что герои комедий встретились, познакомились и решили обсудить важные для них проблемы, вступив в беседу.

Выбери один из предложенных ниже вариантов тем для беседы и напиши диалог героев (100-150 слов), учитывая их взгляды, принципы, жизненные ценности. Диалог может быть написан как в прозаической, так и в стихотворной форме.

При создании диалога учитывай следующие требования:

- оформи диалог по законам драматического произведения;
- используй ремарки;
- сохраняй по возможности особенности речи персонажей, присущие им слова, выражения, манеру речи.

Темы диалогов:

- диалог П.А. Фамусова и А.А. Сквозник-Дмухановского о государственной службе и ее целях;
- диалог госпожи Простаковой и П.А. Фамусова о воспитании и образовании детей;
- диалог А.С. Молчалина и И.А. Хлестакова об успешной жизни;
- диалог Митрофана Простакова и А.С. Молчалина о влиянии родителей на их характер и поведение.

Задание 1.3

Охарактеризуй одного из участников созданного тобой диалога в форме **синквейна**.

Материалы для справок:

Синквэйн (от фр. *cinquains*, англ. *cinquain*) — пятистрочная стихотворная форма (нерифмованная), возникшая в США в начале XX века под влиянием японской поэзии.

Структура синквейна:

1-я строка – существительное, обозначающее тему синквейна

2-я строка – два прилагательных, раскрывающих интересные, характерные признаки темы

3-я строка – три глагола, описывающие действия в рамках темы

4-я строка – фраза из четырех слов, описывающая отношение к теме (разные части речи)

5-я строка – существительное, выступающее как вывод, итог